

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

(К ПРОБЛЕМЕ СТРАТИФИКАЦИИ НОРМЫ)

Короткова О. Н. (Korotkova O. N) *

柯奧莉嘉

Процесс изучения иностранного языка сопровождается интерференцией, которая определяется как совокупность взаимосвязанных отклонений от системы и нормы данного языка, возникших в результате языкового контакта, то есть в результате воздействия другой языковой системы.

Интерференция может затрагивать все уровни языка, однако наиболее ярко она проявляется на фонологическом уровне. Важным условием появления интерференции является наличие взаимодействия контактирующих языковых систем в ситуации двуязычия. При освоении индивидом иностранного языка локусом языкового контакта становится сам билингв. Воспринимая фонологическую систему изучаемого языка сквозь призму собственных фонетических представлений, билингв допускает в своей русской речи ряд фонологических и фонетических ошибок, которые и послужили материалом и отправной точкой этого исследования. В данной статье анализируются некоторые явления фонологической и фонетической интерференции, выявляются ее источники, в связи с этим уточняются понятия языковой системы и нормы, затрагивается проблема стратификации нормы, отражающей различные аспекты реализации системы. Ошибки в речи билингвов

* 作者為本校俄語系副教授

классифицируются с точки зрения их значимости, на основе классификации намечается общая стратегия обучения фонетике русского языка.¹

Существенность той или иной ошибки бывает различной в зависимости от того, в какой степени она отражается на восприятии смысла сообщения. Если ошибка вызвана неумением билингва правильно произнести звуки, то отклонения от произношения не нарушают коммуникативную функцию языка. Так, чехи, венгры произносят смягченно русские шипящие < ш > и < ж > , однако такое произношение, хотя и оценивается русскими как акцентное, тем не менее не мешает правильно опознавать слова. Если ошибка вызвана тем, что билингв не может осознать функциональную значимость звука как фонемы, то в этом случае оказываются затронутыми существенные фонетические особенности изучаемого языка. Так в произношении испанцев, в родном языке которых отсутствуют шипящие < ж > и < ш > , наблюдается смешение этих согласных, что ведет к неразличению слов *жар*—*шар*, *жить*—*шить* и т. п. Данная ошибка затрагивает различительные возможности русского языка,

¹ Ошибки, наблюдаемые в речи билингва, в большинстве случаев объясняются влиянием его родного языка. Однако встречаются ошибки, вызванные ложной аналогией (как правило, они появляются при усвоении грамматических явлений). Данные ошибки идентичны у представителей разных языков, их наличие обусловлено единым для всех источником — системой изучаемого языка, допускающей создание определенных форм, которые, однако, не приняты в речевой практике. Так, при изучении русского языка очень распространенной ошибкой является неверное образование билингвами форм женского рода от соответствующих форм мужского рода для обозначения лиц той или иной национальности: *кореец*— * *корейка*, *китаец*— * *китайка* (вместо: *корейка*, *китайка*). Подобные формы образованы по аналогии с ранее усвоенными: *испанец*— *испанка*, *немец*— *немка*. Такие ошибки Дж. Ричардс называет ошибками роста, они отражают процесс формирования гипотетических представлений об изучаемом языке на основе полученных знаний (Richards, 205-206) Ошибки, вызванные интерференцией, специфичны у представителей разных языков, так как их наличие объясняется воздействием системы родного языка билингва. Именно эти ошибки позволяют отличить русскую речь билингва-англичанина от билингва-китайца.

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

противоречит его внутренней организации. Противопоставление согласных по признаку глухость/звонкость является отличительной особенностью фонологической системы русского языка. Несоблюдение этого принципа и вызывает отклонение от системы, приводящее к смешению фонем. Таким образом, основным источником интерференции является "каждый момент различия между двумя фонетическими системами" / Вайнрайх, 22 /.

Однако не все ошибки в речи билингва объясняются отклонениями от системы изучаемого языка. Даже если в системах родного и изучаемого языков присутствуют похожие оппозиции фонем, их реализация в двух языках будет различной. Так, в фонологических системах чешского и русского языков есть оппозиция шипящих $\langle \dot{z} \rangle$ — $\langle \dot{s} \rangle$, однако норма произношения чешских согласных значительно отличается от соответствующих русских звуков: чешские $\langle \dot{z} \rangle$ и $\langle \dot{s} \rangle$ значительно мягче русских. Появление смягченных шипящих на месте твердых русских $\langle ш \rangle$ и $\langle ж \rangle$ в словах *желтый*, *шесть*, *дружба* является результатом наложения норм двух языков. Таким образом, различие в произносительных нормах служит еще одним источником фонетической интерференции.

Для детального рассмотрения явлений интерференции чрезвычайно важно еще раз уточнить такие понятия, как система и норма, так как различия между системами и нормами контактных языков, выявленные с помощью контрастивного анализа, являются источниками интерференции².

² В последние годы после некоторого затишья снова наблюдается интерес к контрастивному анализу, являющемуся важнейшим компонентом любого сопоставительного исследования (см: James S. (1990), Wieczorek J. (1991), Danesi M. (1993), Jaszczalt K. (1995).

Данные понятия рассматривались лингвистами различных направлений, в связи с этим существует большое разнообразие в их толковании. Одни ученые рассматривают норму как коррелят языковой системы, другие трактуют ее как коррелят понятия кодификации.

Так, Э. Косериу определял систему языка как систему возможностей, которая "охватывает идеальные формы реализации определенного языка". Норма представляет собой "систему обязательных реализаций,... принятых в данном обществе и данной культурой" (Косериу, 175), то есть норма охватывает то, что уже конкретно реализовано. Потенциальные возможности различной реализации заложены в самой системе языка. Таким образом, в языке существуют объективные условия возникновения нормы. Выбор той или иной формы происходит в пределах возможностей, которые допускает система языка. Само разграничение понятий системы и нормы возможно лишь в том случае, если система дает ряд вариантов, которые в равной степени могут быть реализованы.

В работах Пражского лингвистического кружка норма рассматривается как коррелят понятия кодификации, то есть "как набор или совокупность наиболее пригодных, предпочтительных для обслуживания общества средств языка" (Барнет, 47). Важность разграничения понятий нормы и кодификации отмечал Б. Гавранек, который рассматривал норму как объективную категорию, существующую в языке, а ее кодификацию связывал с вмешательством общества в ее реализацию (Navranek, 14). Кодификация является официальным установлением и закреплением данной нормы.

Г. В. Степанов говорит в связи с этим о двух аспектах понятия нормы: объективный аспект нормы (или объективная норма) связан с объективными

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

условиями возникновения нормы, и оценочный аспект нормы (или аксиологическая норма) связан с " оценкой соревнующихся норм с точки зрения правильности — неправильности, образцовости — необразцовости" (Степанов, 226).

Для российской лингвистики характерно внимание к обеим сторонам изучения нормы. Объективный аспект нормы, касающийся разграничения системы и нормы, нашел отражение в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, А. А. Леонтьева, В. А. Ицковича и др. В работах В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, Г. О. Винокура, Ф. П. Филина и др. норма рассматривается как совокупность общепринятых языковых средств, которые характеризуются как обязательные и образцовые.

При анализе явлений интерференции будем рассматривать норму как допустимую данным языком возможность реализации системы. Под системой языка понимается совокупность взаимообусловленных конститутивных единиц, выявленных на основе отношений противопоставления. Не все то, что заложено в системе языка, реализуется в речевой практике коллектива. Система шире нормы. Заложенные в самой системе возможности вариативности представляют большие трудности для изучающих иностранных язык. Поэтому проблема нормы актуальна и в связи с вопросами обучения языку.

В понятие нормы, отражающее весь план языковой реализации, входят явления разного порядка (Виноградов, 44). Если в определенной позиции предполагается однозначный выбор формы, то норма, регулирующая этот выбор, является самой структурой языка. Выбор, заданный в системе языка в виде

оппозиции, реализуется благодаря соотношению этих оппозиций с конкретными позициями. Так, в фонологической системе русского языка твердые согласные противопоставлены мягким. Данная оппозиция релевантна в позиции конца слова (*мел—мель*), перед гласными (*быть—бить, мал—мал, нос—нес, лук—люк*), перед заднеязычными и губными согласными (*горка—горько, изба—резьба*) (Панов, 126) Следует отметить, что относительно положения перед < е > существуют различные точки зрения: одни ученые считают эту позицию сильной на том основании, что в языке есть слова в которых твердость / мягкость согласных перед < е > является единственным отличием двух слов (*сэр—сер*) (Панов, 126), другие по традиции относят ее к слабым (Иванов, 145—151) на том основании, что твердый согласный перед < е > встречается лишь в словах, не входящих в состав общеупотребительной лексики. Именно в указанных позициях заложенное в системе языка противопоставление структурно значимо. В остальных позициях происходит нейтрализация согласных по признаку твердость / мягкость. Так, перед мягкими губными и зубными зубные реализуются в мягких вариантах (*бантик* [бан' т' ьк], *в избе* [выз' б' е]), то есть в данных позициях нейтрализация по признаку твердость / мягкость структурно допустима. Таким образом, структура — это та разновидность нормы, которая указывает, как и в каких позициях реализуется заложенная в системе языка оппозиция.

Другая разновидность нормы осуществляет выбор из нескольких структурно допустимых возможностей в зависимости от того, в каком лексическом контексте употребляется та или иная языковая форма (именно эту разновидность нормы называют чаще всего нормой в узком смысле слова).

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Действие отмеченного выше закона позиционной мягкости зубных согласных перед мягкими зубными ограничено. Он не распространяется на фонетическую подсистему малочастотных слов: *эма* {н} *сипация*, *дже* {нт} - *льмен* и т. д. произносятся с твердым зубным перед мягким. Таким образом, допускаемая системой языка вариантность произношения регулируется лексическими факторами: в основной подсистеме, состоящей из исконных и обрусевших заимствованных слов, действует закон позиционной мены зубных согласных перед мягкими зубными, в фонетической подсистеме малочастотных слов он перестает быть обязательным.

Норма в широком смысле слова включает в себя еще одну разновидность, характеризующую зависимость выбора определенной формы от ситуации, в которой происходит общение. Связь формы речи и ситуации получает иногда название узуса (Верещагин, 53). В сферу узуса входит распределение допускаемых системой языка синонимических средств выражения применительно к конкретной социальной ситуации. Узус регулирует выбор стиля, жанровое своеобразие речи. Так, принятая в русском языке форма обращения предполагает произнесение как полной, так и краткой формы имени и отчества лица, к которому обращаются. В неофициальной дружеской беседе допустима краткая форма типа *Сан Саныч*, *Юр Михалч* и т. д., в то время как при обращении к официальному лицу предпочтительнее оказываются полные формы: *Александр Александрович*, *Юрий Михайлович* и т. д.

Структура, норма (в узком смысле) и узус представляют собой различные аспекты реализации системы. В процессе усвоения нового языка в речи билингва наблюдаются отклонения как от системы изучаемого языка, так и от каждой

разновидности нормы. Ошибки в речи билингва образуют определенную градацию по степени существенности.

Наиболее существенными являются ошибки, нарушающие внутреннюю организацию самого языка, то есть его систему. Неразличение арабами фонем <e> — <и>, <o> — <у>, приводящее к смешению слов *петь* — *пить*, *тот* — *тут*, является отклонением от системы изучаемого языка. Оно говорит о том, что билингв не способен осознать функциональную значимость звука как фонемы, так как различие по подъему лежит в основе классификации гласных фонем русского языка и составляет его важнейшую особенность, а для системы арабского языка противопоставление гласных по подъему не характерно. Отличие в системах двух языков является источником интерференции.

В области консонантизма яркие примеры дает анализ испанского, вьетнамского и китайского акцента в русском языке. Неразличение испанцами согласных <ш> — <с>, <ж> — <з> (*по* [з] *ар* — *пожар*, *на* [с] — *наш*), [ц] — [с] (*оте* [с] — *отец*, [с] *елый* — *целый*), <ч> — <ш> ([ш] *истый* — *чистый*), <с'> — <ш'> (*ве* [с'] — *вещь*) вызвано отсутствием в испанском языке шипящих <ž>, <š> <š':>, аффрикаты <с> и звонкого свистящего <z>. Вьетнамцы, кроме подобных ошибок, также вызванных отсутствием в системе вьетнамского языка шипящих и аффрикаты <с>, допускают еще ряд отклонений. В речи вьетнамцев наблюдается неразличение <ч> и <т'> ([т'] *еловек* — *человек*, [т'] *исло* — *число*), вибрирующего переднеязычного сонорного <р> и переднеязычных <з>, <з'>, <ж> ([ж] *ано* — *рано*, [з] *абота* — *работа*, [з'] *ектор* — *ректор*). Первое отклонение вызвано

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

отсутствием в системе вьетнамского консонантизма аффрикаты <č'>, второе — недостаточной адаптацией введенного в фонологическую систему вьетнамского языка в 1970 году вибрирующего сонанта <г>, во многих диалектах он отсутствует или заменяется согласными <z>, <z'>, <ž>. Наиболее характерный пример китайского акцента — неразличение согласных <р> и <л> ([л] *абога* — *работа*, *Е* [р] *ена* — *Елена*, *т* [л] *ава* — *трав*), которое объясняется тем, что в фонологической системе китайского языка отсутствует фонема <г>. Наличие в одном слове нескольких ошибок системного характера приводит к полному нарушению коммуникативной функции языка в данном сегменте речевой цепи ([ззко] — *жарко*, [зос] — *рожь*).

Источником интерференции является не только отсутствие в системе родного языка билингва той или иной фонемы, характерной для изучаемого языка, но и отсутствие корреляций, характерных для изучаемого языка. Так, в испанском языке согласные не образуют корреляцию по признаку твердости / мягкости, поэтому различение твердых и мягких согласных в сильных по этому признаку позициях представляет большие трудности для испаноговорящих. В китайском языке отсутствует корреляция согласных по признаку глухости / звонкости (согласные ㄉ — ㄊ, ㄍ — ㄎ, ㄑ — ㄒ, ㄓ — ㄔ, ㄗ — ㄘ, ㄗ — ㄘ различаются по наличию / отсутствию аспирации (именно этот признак является для них различительным). В связи с этим весьма затруднено усвоение китайскими студентами звонких русских согласных. На их месте обычно произносятся неаспирированные глухие, в результате происходит смешение русских согласных по признаку глухости / звонкости, и как следствие этого не различаются пары слов: *БЫЛ* — *ПЫЛ*, *ДОМ* — *ТОМ*, *ГОД* — *КОТ* (в

данных словах инициальные звонкие произносятся как неаспирированные глухие).

Таким образом, основным источником фонологической интерференции являются различия в системах контактирующих языков. Возникающий на этой почве акцент приводит к плачевным последствиям: в результате смешения различных фонем происходит неразличение лексических единиц, что ведет к нарушению коммуникативности.

Не менее существенными в плане языковой коммуникации являются ошибки, связанные с нарушением структурных особенностей изучаемого языка. Одной из самых распространенных ошибок, наблюдаемых в русской речи представителей самых разных национальностей, является произношение [и] вместо [ы] после твердых согласных. В фонологических системах испанского, чешского, венгерского и многих других языков есть фонема <î>, однако ее реализация осуществляется в виде звука [î] в любой позиции. Существенной особенностью русского языка является произношение [и] после мягких согласных и вариации фонемы <и> звука [ы] после твердых согласных. Несоблюдение структурных особенностей русского языка способствует неразличению слов *бить* — *быть*, *пил* — *пыл* и т. д., что ведет к потере смысла.

Расхождение в норме при сходстве систем двух языков является еще одним источником интерференции. Такие расхождения легко заметить при сопоставлении фонологических систем близкородственных языков, например, славянских. Славянским языкам свойственны корреляции согласных по признакам твердость / мягкость, глухость / звонкость. И хотя осознание

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

данных категорий с точки зрения их фонологической релевантности не представляет больших трудностей, тем не менее конкретная реализация данных корреляций в речи билингвов вызывает определенные отклонения от произносительной нормы русского языка.

Источником отклонений служат как различия в количественном составе коррелятивных пар в различных славянских языках, так и различия в определении сильных позиций по тому или иному признаку. Так, в русском языке 15 пар фонем образуют соотносительный ряд согласных по признаку твердость / мягкость и 11 пар согласных — по признаку глухость / звонкость, в чешском языке соответственно 3 и 8, в польском — 11 и 12, в сербохорватском — 2 и 6, в болгарском — 15 и 13.

Различие в наполняемости коррелятивных рядов служит предпосылкой для появления интерференции. Так, в чешском языке, в отличие от русского, значительно большее число согласных являются внепарными твердыми: *s, z, t, r, p, l, v, k, g, ch, c*. Из этого перечня в группу внепарных твердых в русском языке входит только < х > и < ц >. Поэтому естественно во всех остальных случаях предполагать замену мягких русских согласных твердыми чешскими, что и происходит в действительности ([с] *естра* — *сестра*, гу [с] — *гусь*, го [р] *ко* — *горько*). Следует учесть, что сильные по твердости / мягкости позиции в чешском и русском языках совпадают, поэтому в данных примерах источником интерференции является именно различие в реальной наполняемости коррелятивного ряда, а не отличие в позициях.

Позиции различения и неразличения дифференциальных признаков глухость / звонкость и твердость / мягкость могут не совпадать. Это несовпадение также является предпосылкой интерференции. Так, в болгарском языке сильной по твердости / мягкости позицией является положение перед непередними гласными < а >, < о >, < у >, < ъ >, (*бал—бял, гол—гъл, лук—люк*). В других, характерных для русского языка позициях, болгарские согласные нейтрализуются в твердом варианте. Влиянием родного языка объясняется неразличение твердых и мягких согласных перед гласными переднего ряда < и >, < е > ([д] *ень—день*), отсутствие мягкости согласных в абсолютном конце слова (*радос [т]—радость, кро [ф]—кровь*), отсутствие ассимилятивного смягчения зубных перед мягкими зубными ([*сnek*] — *снег, [здес] — здесь, [конч'ьк] — кончик*).

Наличие почти одинаковых позиций по глухости / звонкости характерно для многих славянских языков. Так, в польском языке так же, как и в русском, различение звонких и глухих согласных происходит перед гласными и сонорными. Однако позиция перед < в >, сильная для русского языка, не является таковой в польском языке, где сам этот звук оглушается в результате регрессивной ассимиляции предшествующему глухому: . Данное различие служит источником интерференции.

В чешском языке несмотря на полное совпадение сильных по глухости / звонкости позиций (перед гласной: *tom—dom*, перед сонорными, *trat—drat*, перед < v > : *dvoje — tvoje*) существенная разница наблюдается при произнесении предлогов с последующим словом, что составляет единое фонетическое слово. В чешском языке, в отличие от русского, после паузы или после долгой гласной

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

предшествующего слова начальный гласный последующего слова произносится с придыханием. Придыхание не является обязательным, оно факультативно. Однако, несмотря на это, влияет на предшествующий звонкий согласный, который оглушается. Следы глухости сохраняются в предшествующем согласном даже в том случае, если само придыхание отсутствует: *pod oknem* [*potoknem*], *v Africe* — [*fafrice*]. Данное отличие объясняет причину неправомерного оглушения конечных согласных предлогов перед последующей гласной, наблюдающегося у чехов, говорящих по-русски [*ф*] *Англии* — в *Англии*, по [*т*] *Омском* — под *Омском*).

Таким образом, даже если системам двух сопоставляемых языков свойственны определенные явления изоморфизма, норма их реализации может быть отличной, что приводит к отклонениям от структуры изучаемого языка.

Отклонения наблюдаются также и от той разновидности нормы, которая определена как норма в узком смысле и носит селективный характер. Носители многих языков в своей речи не осуществляют позиционную редукацию гласных в безударном положении. В частности, не редуцируют <о> в [] и <о> в [ь] в первом предударном и остальных безударных слогах после твердых согласных, а также <е> в [и] и <е> в [ь] в первом предударном и остальных безударных слогах после мягких согласных. И хотя система русского языка допускает произнесение [о] и [е] в данных формах (окающее произношение является нормативным в говорах, а екающая норма еще до недавнего времени рассматривалась как равноправная с икающей в литературном языке), тем не менее в русском литературном языке утвердилась та норма,

согласно которой в безударном положении должна происходить редукция гласных по определенным правилам.

Позиционные изменения в предударных слогах регулируются лексическим фактором, так как распространяются только на слова, освоенные русским языком. Слова, образующие подсистему редкоупотребительных заимствованных слов, допускают отсутствие позиционной редукции в предударных слогах. Носители языка, таким образом, осуществляют весьма осознанный выбор в фонетической реализации гласных. Если же билингв произносит слова (1) [молоко], [петух] и (2) [корнет], [анестез'иџ] с одинаковой особенностью — отсутствием редукции в безударных слогах, то в словах общеупотребительных (1) это явление рассматривается как явное отклонение от нормы, в словах же малоупотребительных (2) расценивается как норма вполне допустимая русским языком, имеющим в фонологической системе наряду с основной подсистему малочастотных слов, обладающую своими собственными особенностями. Однако если все слова произносит один билингв, то оценка ошибок меняется. Правильное произношение слов (2) — явление случайное, так как из (1) ясно, что билингв не владеет нормой реализации системных единиц, подчиняя ее норме реализации единиц своего родного языка. Таким образом, еще одним источником интерференции является различие в нормах реализации системных единиц двух контактирующих языков, регулируемой внефонологическими (в данном случае — лексическими) факторами.

Интерференция в сфере нормы не обязательно должна быть обусловлена отличием именно нормы родного языка учащихся, равно как и различия в

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

системе не обязательно порождают интерференцию именно в системе изучаемого языка. Бывают случаи, когда норма родного языка существенно влияет на систему изучаемого языка, что ведет к ее нарушению. Например, в речи вьетнамцев довольно часто смешиваются звуки [e] и [и]. В отличие от речи арабов, где данное отклонение обусловлено различием в фонологических системах арабского и русского языков, отклонение в речи вьетнамцев связано с влиянием нормы родного языка. Фонема < e > во вьетнамском языке функционирует в одном аллофоне, поэтому вьетнамцы не различают открытое и закрытое русское < e > в словах *этот* и *петь* и ассоциируют данные аллофоны со звуками [e] и [и], что приводит к нарушению системы русского языка, так как противопоставление по подъему для русских гласных функционально значимо. Влиянием нормы вьетнамского языка можно объяснить отклонение от системы русского языка, проявляющееся в неразличении [ä] и [ё] (*пять — петь, вся — все*). Во вьетнамском языке фонема < a > реализуется в трех вариантах, один из которых представляет собой значительно продвинутый вперед звук. Это и привело к неразличению двух русских фонем на базе отождествления переднерядной фонемы < e > чужого языка с переднерядным аллофоном непередней фонемы < a > родного языка.

Итак, отклонения от русского произношения, вызванные интерференцией имеют различные источники. Прежде всего интерференцию порождают различия в системах контактирующих языков, а также различия в норме реализации противопоставлений, свойственных системе языка. Разграничивая различные виды нормы, следует отметить, что основным источником интерференции

считается различие в особенностях реализаций контактирующих систем, так как именно ошибки на уровне системы и структуры нарушают коммуникативную функцию языка. Поэтому в процессе обучения языку первым делом должна усваиваться его система и структура. Предпочтительные реализации системы на уровне нормы (в узком смысле слова) и узуса на начальном этапе остаются в тени процесса обучения, зато в дальнейшем выдвигаются на передний план.

Использованная литература

1. Аругюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. — М.: АН СССР, 1961.—151 с.
2. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма).— М.: МГУ, 1969.—160 с.
3. Виноградов В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку // Лингвистические основы преподавания языка.— М., 1983—с. 44—65.
4. Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания—1964—№ 3.—с. 3—18.
5. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.—с. 207—226.
6. Иванов В. В. Современный русский язык. Фонетика. — М.: Просвещение, 1981.—191 с.
7. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы.— М.: Наука, 1982—192 с.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике— М., 1963,—Вып. 3.—С. 143—343

ИСТОЧНИКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

9. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. — М., 1965. — 237 с.
10. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. — М.: Высшая школа, 1979. — 256 с.
11. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы // Методы сопоставительного изучения современных романских языков. — М., 1955. — С. 226—235
12. Степанов Ю. С. Основы языкознания. — М., Просвещение, 1966, — 271 с.
13. Danesi M. Whither Contrastive Analysis? // The Canadian Modern Language Review. — 1993. — v. 50, No. 1, p. 37—46.
14. Havranek B. Zasady Pražského lingvistického kroužka. Nova kodifikace spisovne češtiny // Slovo a slovesnost. — 1974. — V.X, No. 1
15. James, C. Learner Language // Language Teaching. — 1990. — V. 23, No. 4, p. 205—213.
16. Jaszczolt K. Typology of Contrastive Studies: Specialization, Progress and Applications // Language Teaching. — 1995. — No. 1, p. 1—15
17. Richards J. C. A Non — contrastive Approach to Error Analysis // English Language Teaching. — 1971. — V. XV, No. 3, p. 204—219.
18. Wiczorek J. Error Evaluation, Interlanguage Analysis and the Preterit in the Spanish L2 Classroom. // The Canadian Modern Language Review. — 1991. — V. 47, No. 3, p. 497—511.
19. Weinreich U. Language in Contact. — N. Y., 1953.